*Егоров Б.Ф.* А.Н. Островский и «молодая редакция» «Москвитянина» // А.Н. Островский и русская литература. Кострома, 1974. С. 21—27.

*Зиновьев И.В.* Русская философия диалога: истоки, ориентации, потенциал. Екатеринбург, 2008.

*Зубков К.Ю.* Молодая редакция журнала «Москвитянин»: Эстетика. Поэтика. Полемика. М., 2002.

*Инговатова И.Г.* Запад-Восток: к феноменологии диалога (поиск методологических оснований). URL: http://elib.altstu.ru/elib/books/Files/pa1999_1/pages/32/pap_32.html

*Нольде Б.* Юрий Самарин и его время. М., 2003.

*Петрунин Ю.Ю.* и др. Политические коммуникации: Учебное пособие. М.: Аспект-Пресс, 2004.

*Погодин М.П.* Историко-критические отрывки. М., 1846.

*Сартаков Е.В.* «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя и публицистика «Москвитянина» (1841—1846 гг.): к постановке проблемы // Русская литература и журналистика в движении эпох. Ежегодник кафедры истории русской литературы и журналистики. М.: Факультет журналистики МГУ, 2012.

*Сартаков Е.В.* Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя в контексте публицистики «Москвитянина»: Россия — Запад // Медиаскоп. 2012. Вып. 4. URL: http://www.mediascope.ru/node/1234

*Тынянов Ю.Н.* Журнал, критик, читатель и писатель. НР. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

*Шпагин С.А.* Славянофилы и «Москвитянин» // История, экономика, культура, общественная мысль России. Томск, 1997.

Поступила в редакцию
14.11.2013



**С.Г. Коростелёв**, аспирант кафедры литературно-художественной критики и публицистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: sgkorostelev@gmail.com

# СТАТЬЯ М. ГОРЬКОГО «ДВЕ ДУШИ» КАК ПОЛЕМИКА С НЕОСЛАВЯНОФИЛАМИ

*В июне 1915 г. в Москве вышла книга В.Ф. Эрна «Время славянофильствует». В декабре 1915 г. в Петрограде вышел первый номер журнала «Летопись», где была опубликована статья М. Горького «Две души». В статье этой была скрытая полемика с неославянофильскими, националистическими и «оборонческими» воззрениями, распространившимися с началом Первой мировой войны в среде русских идеалистических философов в частности и в определенных слоях русской интеллигенции вообще.*

***Ключевые слова:*** *Горький, Эрн, «Две души», «Летопись», Первая мировая война.*

*In July 1915 V.F. Ern published the book «The Time is Slavophilizing» in Moscow. The first issue of the magazine «Letopis» with the article of M. Gorky «Two souls» was published in December 1915 in Petrograd. This article presented the hidden polemics with neoslavophile, nationalist and «defensist» views that expanded with the beginning of the World War I amongst the Russian idealistic philosophers in particular and in certain sectors of the Russian intelligentsia in general.*

***Key words:*** *Gorky, Ern, «Two souls», «Letopis», the World War I.*

## Введение

К 1914 г. в среде русских идеалистических философов был создан достаточно прочный теоретический фундамент славянофильства, готовый для применения в новых исторических контекстах. Неославянофилами помимо Эрна были, прежде всего, В.В. Розанов, В.И. Иванов и С.Н. Булгаков. Кроме того, под сильным влиянием славянофильства находились Н.А. Бердяев и — в некоторой степени — С.Л. Франк и М.О. Гершензон. К ним можно еще добавить С.М. Соловьёва — племянника знаменитого философа и поэта [Хеллман, 1989, с. 211—239].

Подобно тому, как Крымская война 1853—1856 гг. была воспринята как наглядное подтверждение глубокого конфликта между Востоком и Западом, так и новая большая европейская война, которую современники в Европе называли Великой, а современники в России — Второй отечественной, или германской[1], стала катали-

[1] Термин «Первая мировая война» утвердился в мировой историографии только после Второй мировой войны 1939—1945 гг. См.: *Залесский К.А.* Первая мировая война. М.: ФИВ, 2013.

затором к ренессансу славянофильства. Впрочем, славянофильство второй половины 1910-х гг. приобрело, разумеется, свои отличительные черты, о чем мы поговорим ниже.

Статью Горького «Две души»[2] можно считать программной. Она стала своеобразной философской и теоретической основой, определившей все направление «Летописи» (1915—1917). Сквозь призму этой статьи можно рассматривать все публиковавшиеся в журнале материалы: беллетристику и художественную критику, научные статьи и политическую аналитику. Полемический пафос «Двух душ» усиливало то, что опубликованы они были в новом печатном органе, фактическим редактором которого был сам Горький и который стоял на социал-демократических, антивоенных, «пораженческих» позициях. Содержавшая сокровенные мысли писателя о русском народе, развитии страны и ее роли в мировом историческом процессе статья подтолкнула русское общество к новым ожесточенным спорам о целесообразности и справедливости участия России в Первой мировой войне.

### Горький и неославянофилы

Новые общественно-политические реалии, расстановка сил в Первой мировой войне диктовали неославянофилам другие воззрения по сравнению с тем, что проповедовали А.С. Хомяков и И.В. Киреевский. Так, война больше не рассматривалась как противостояние Востока и Запада, по крайней мере в строгом смысле. Война считалась противостоянием духовности и материализма, христианского смирения и надменности, высокой миссии в будущем и гибели. Иными словами, война была спровоцирована причинами не экономическими и политическими, а в первую очередь идеологическими[3].

Запад распался на два блока: принадлежность к тому или иному политическому альянсу обусловила в глазах неославянофилов соотношение истинного христианства и рационализма в разных странах. В союзных России Англии, Франции и Бельгии не все

[2] Летопись. 1915. № 1. С. 123—135.

[3] Реальными причинами войны следует считать имперско-колониальные амбиции ведущих держав. Англия отстаивала свое мировое господство в первую очередь на море, которого Альбион достиг еще в эпоху войн с Наполеоном; Франция желала вернуть себе Эльзас и Лотарингию. Что же касается России, то помимо спасения братьев-сербов, а также традиционных планов по укреплению позиций на Балканах, русское правительство манили Константинополь и — после предполагаемого разгрома союзной Германии Оттоманской империи (Турции) — контроль над проливами Босфор и Дарданеллы. То, насколько уязвима Россия, пока доступ в Черное море открыт для ее врагов, наглядно показала уже упоминавшаяся нами Крымская война.



еще было потеряно. Секуляризация, как считали неославянофилы, не успела еще затронуть центральные органы, и народы этих стран сохранили в глубине связь с «истинно-Сущим». Это была Европа, которая считала себя материалистической, но которая в момент катастрофы оказалась идеалистической и верующей.

Другое дело — Германия[4]. Именно в немецкой нации, с точки зрения Эрна и его единомышленников, бунт человека против Бога принял самые вызывающие формы. Германия была самой обмещанившейся страной: ее жителям не хватало скромности, зато они предавались смертным грехам самоуверенности, гордости и тщеславия. Немцы преклонялись перед земными богатствами и физической силой.

Еще одной сверхзадачей было для немцев построение всеобъемлющего государства. Когда в результате франко-прусской войны 1870—1871 гг. Бисмарк покончил с затянувшейся «феодальной раздробленностью» Германии и провозгласил империю, гегемонистские устремления на европейском континенте, издавна царившие в среде немецкой аристократии и военщины, обрели под собой более твердую почву. Прежняя страна Гёте и Шиллера, констатировали неославянофилы, не имела уже ничего общего с государством «крови и железа».

Вся немецкая интеллигенция, утверждали Эрн и другие идеалисты, несла ответственность за развитие немецкого общества в последние десятилетия перед войной. Химики, юристы, экономисты, социал-демократы, историки, антропологи, философы, демократы, писатели — все якобы участвовали в разжигании милитаристского, нечеловеческого духа у немцев. Общее сознание нации систематически подготавливалось к войне, от игры детей в «солдатики» до мобилизации науки. В результате в 1914 г. Германия, как писал Бердяев, выставила мощную армию с «автоматическими массами войска, превращенными в современный механизм, вооруженными совершенной техникой и в совершенстве дисциплинированными» [Хеллман, 1989, с. 220].

Демонизации врага в неославянофильских кругах уделялось много внимания. Распространились слухи, что немцы отрубают руки у подростков в оккупированной Бельгии. С позволения кайзера Вильгельма немецкие солдаты насиловали полячек, чтобы смешать польскую кровь с тевтонской и таким образом «губить

[4] Православная Россия воевала в союзе с католической Францией против протестантской Германии. И если раньше предпочтение в России отдавалось в основном протестантизму как меньшему из зол, то теперь пришлось пересматривать старые концепции. Удобно было ссылаться на В.С. Соловьёва, который, как известно, испытывал сильное влечение к католицизму и даже мечтал о воссоединении двух церквей.

расу». Австрийские солдаты ставили себе защитную ограду из женщин и детей против русских пуль, и т.д.

Русский характер объявлялся полной противоположностью германскому. Для неославянофилов русские были «Христоносцами», которым были присущи скромность, простота, кротость, смирение, жалость, дух благородства, самоотверженность. Одной из целей России в войне, вернее, ее призванием, было воссоединение славянства — всех славянских народов, в том числе и поляков-католиков, не говоря уже о православных[5].

Главным препятствием для осуществления немецкого мирового господства было, таким образом, славянство; главный конфликт в войне — столкновение Германии и России. «Гордая, материальная, внешняя идея германская сталкивается с смиренной, духовной и внутренней идеей русской», — писал Эрн [Хеллман, 1989, с. 225]. Уже для славянофилов было очевидно, что Запад презирает и ненавидит Россию и что он хочет ассимилировать и уничтожить славян.

Неославянофилы утверждали, что экономически Россия уже на пороге того, чтобы считаться немецкой колонией. По Бердяеву и Булгакову, почти всеми своими национальными «болезнями» Россия «заразилась» от Германии: все корни политической реакции, империализма и даже бюрократии были у нас немецкими [там же, с. 226].

Военные цели России представлялись как исключительно идеалистические. Опять, как в 1812 г., на ее долю выпала бескорыстная жертвенная миссия — спасти Европу от нее самой. Конечный смысл войны представлялся неославянофилам чистилищем европейской цивилизации. За гибелью современной Германии должен был последовать общеевропейский катарсис с социальным выздоровлением и духовным возрождением[6].

В целом неославянофилы были охвачены тем же историческим оптимизмом, что и их предшественники. Критически (не сказать — пессимистически) настроенному Горькому был глубоко чужд неославянофильский идеализм, апология православия, русской души и т.д. Горькому дико было слышать восторженные отзывы, приветствующие эту войну, — как в самой России, так и в странах Европы[7].

[5] Предательство Болгарии, присоединившейся к Германии и Турции и поставившей под сомнение русско-сербскую идею панславизма, было поэтому воспринято особенно болезненно.

[6] Более подробно об атмосфере в русском обществе в период войны см.: *Hellman B.* Poets of hope and despair. The Russian symbolists in war and revolution (1914—1918). Helsinki, 1995.

[7] Во Франции, например, войну приветствовали те, кто мечтал покончить с Германией как с сильным и успешным соседом-конкурентом. Географ Э. Реклю — после поражения немецкой армии — предлагал, например, наложить на Германию контрибуцию в размере 101 миллиарда и распределить всю сумму на 101 год, чтобы будущие поколения Германии чувствовали всю тяжесть преступления своих



Для Горького и его соратников в среде русской революционной демократии война стала крахом надежд на интернациональное братство рабочих всего мира. Многие лидеры и видные деятели социал-демократических партий в Европе (Э. Вальян и Ж. Гед во Франции, Г. Гайндман в Англии, К. Каутский в Германии, Л. Биссолати в Италии, Г.В. Плеханов в России и т.д.) заняли оборонческие позиции, призывая к защите отечества. Лидер бельгийской рабочей партии Э. Вендервельде вошел в 1914 г. в состав буржуазного правительства своей страны. Парламентская фракция немецких социал-демократов почти единогласно проголосовала за кредиты на войну[8].

В письме М.Ф. Андреевой от 22 сентября 1914 г. Горький негодовал: «Товарищи с[оциал]-д[емократы] в Берлине хвастаются, что треть немецкой армии состоит из социал-демократов, то есть целые дивизии “товарищей”. Товарищи в Париже, Риме, Лондоне, Брюсселе — знают это. Товарищ Жан изувечит товарища Ганса — как они встретятся потом, как можно говорить об интернационализме интересов демократии? Интернациональный социализм — убит. Мы вступаем в эпоху социализма национального. <...> ...мировая катастрофа, крах европейской культуры»[9].

Все неославянофильские идеи вплоть до антинемецкой истерии, которую они провоцировали, для Горького были неприемлемы: «Травля немцев носит совершенно сумасшедший характер, хотя националисты оперируют идеями Фихте, Шеллинга, Шлейермахера. <...> Война почти популярна в чайных, в дешевых трактирах и на улице, популярна потому, что немец — мастер на фабрике, инженер, директор; немец — управляющий имением, полицейский, чиновник, генерал. Немец вообще более ловок и умен, чем русский, а мы, Русь, любуясь ловкими и умными людями, — не любим их»[10].

отцов. А один поэт, Р. Поншон, облек требования контрибуции даже в стихотворную форму:

Мы их разоружим и таким путем,
Что в течение долгого времени
Эти отвратительные звери
Больше не вылезут из своих берлог.
Они нам заплатят военные миллиарды,
Хотя бы им пришлось
Сто лет подряд есть одну картошку
Или хлеб

(*Лозовский А.* Литература о будущем мире (Письмо из Франции) // Летопись. 1915. № 1. С. 208—221).

[8] Горький и журнал «Летопись» // Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. М.: Наука, 1988. С. 922.

[9] Там же.

[10] Горький — Войтинскому. 13 декабря 1914 г. // Горький и журнал «Летопись»... С. 926.

Вполне здоровые чувства патриотизма и национальной гордости, появившиеся в первые месяцы войны, краткий период единения вокруг императора Николая II, вскоре трансформировались в неустойчивом русском обществе в радикальный правый национализм. Горький относился к этим крайним проявлениям национального самосознания негативно: «Шовинистическое настроение заметно понижается, но <...> это — у интеллигенции, настроенной критически, т.е. у меньшинства, большинство же тянется за Струве и "Биржевкой", за Булгаковым и "Утром России". Общественное мнение создают именно эти органы при помощи языков и перьев Вяч. Иванова[11], Булгакова, Эрна, Л. Андреева, Струве[12] и прочих, имя же их — легион. Все вчерашние анархисты, а ныне патриоты и государственники»[13].

Для Горького противостояние славянофильства и западничества не потеряло своей остроты и в 1910-е гг., тогда как, например, В.С. Соловьёв предрекал «упразднение этого спора» [Соловьёв, 1990, с. 315] и «упразднение *в идее* самого многовекового исторического раздора между Востоком и Западом» [там же]. Соловьёв приходит к такому выводу через представление о православии как об истинном христианстве. Роль России, по его мнению, состоит в примирении Востока и Запада: «И не придумана для России эта обязанность и это назначение, а даны ей христианскою верою и историей» [там же, с. 316]. Таким образом, в «Двух душах» можно также отыскать скрытую полемику с Соловьёвым, ибо никакого примирения Востока и Запада на русской почве Горький не хотел — он просто не видел для этого решительно никакой возможности. Чтобы ответить на очередной страшный вызов Истории, Россия, по мысли Горького, должна была, очевидно, вырваться из пут Востока и найти свое спасение в сближении с Западом[14].

[11] В статье В. Иванова «Вселенское дело» утверждалась мистическая, вселенская, божественная миссия России в войне, а Германия объявлялась носительницей «духа Антихриста».

[12] Здесь Горький имеет в виду, по всей видимости, «шовинистические» статьи — «Великая Россия и святая Русь» П.Б. Струве, «Русские думы» С.Н. Булгакова и др., в основу которых легли доклады, прочитанные на заседании религиозно-философского Общества памяти В.С. Соловьёва в Москве 6 октября 1914 г. (Горький и журнал «Летопись»... С. 927—928).

[13] Там же. С. 926.

[14] Должно быть, еще непримиримее было отношение Горького к горячо обсуждавшимся в 1880-е гг. идеям Н.Я. Данилевского, сформулированным им в работе «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому» (1871). Данилевский полагал, что европейский мир оставил далеко позади наивысшую точку своего расцвета и что ему на смену идет восточнославянский культурно-исторический тип. Интересно, что после смерти Данилевского оппонентом его идейного преемника Н.Н. Страхова был и В.С. Соловьёв, который «проповедовал» своеобразный экуменизм, а незадолго до смерти, вероятно, перешел в католичество.



**«Две души»**

Все эти идеи и настроения нашли отражение в «Двух душах» и — шире — в первых номерах «Летописи» вообще, ибо журнал этот и задумывался Горьким как площадка для идеологической борьбы[15].

Статья построена по принципу антитезы и параллелизма разного рода понятий, распадающихся на два категориальных блока: Восток (Азия) и Запад (Европа).

Под *Востоком* понимается некая область, совпадающая — в представлении Горького — с определенными географическими, геополитическими и конфессиональными границами мира[16], где наблюдается торжество «начал эмоциональных, чувственных над началами интеллекта, разума»[17]. Восток, по словам Горького, «предпочитает исследованию умозрение, научной гипотезе — метафизический догмат. <...> Человек Востока — раб и слуга своей фантазии»[18]. «Восток создал аскетизм, монашество, отшельничество и все иные формы бегства от жизни, мрачного отрицания ее. <...> Восток отрицает все формы социальной и политической организации. <...> Религиозная нетерпимость, фанатизм, изуверство — это тоже продукты эмоций Востока»[19]. Горький приписывает Востоку почти метафизический страх перед разумом, естественным образом препятствующий прогрессу и дальнейшему развитию цивилизации.

[15] К примеру, в письме к И.М. Касаткину от 28 мая 1915 г. Горький отмечал: «Сейчас необходим орган, который питал бы провинцию и вообще Русь идеями, способными организовать общественное самосознание <...>. Война, несомненно, усилит националистические настроения и мысли правящих классов, но можно ожидать, что она понизит национальный шовинизм демократий» (Горький — И.М. Касаткину. 28 мая 1915 г. // Горький М. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 176). Характерно, что на страницах «Летописи» идейных противников журнала часто так и называли — славянофилами, тогда как сторонников — западниками.

[16] Географически Горький отождествляет Восток со всем азиатским континентом (Ближний Восток, Индия, Китай и т.д.), включая и Россию. К Востоку, следовательно, можно отнести (хотя бы формально) и те территории Восточной Европы, которые входили в состав Российской империи. С другой стороны, трудно, конечно, причислить к Востоку входившие в империю Романовых Польшу и Финляндию. Имеются в виду, вероятно, исконно русские земли, на которых исторически формировалось Московское царство — Восточно-Европейская, она же Русская, равнина и т.д. Можно также предположить, что религиозно с Востоком связано мусульманство, буддизм, иудаизм, даосизм, конфуцианство, синтоизм и другие верования народов азиатского континента. Кроме того, добавляя сюда Россию, добавим также и восточное христианство, т.е. православие. Методом исключения к «религиям Запада» можно тогда причислить католицизм, а также многочисленные разновидности протестантизма — лютеранство, кальвинизм и пр.

[17] Летопись. 1915. № 1. С. 123.

[18] Там же.

[19] Там же. С. 124.

*Запад*, судя по тексту статьи, отождествляется Горьким исключительно с (*Западной*) *Европой* — по крайней мере, упоминания Америки (Соединенных Штатов) нигде нет. Европеец для Горького — «вождь и хозяин своей мысли»[20]. Люди Западной Европы овладевают «энергией природы посредством изучения ее. <...> Задача европейской науки — освободить личность из плена догмата, суеверий, предрассудков, из тисков подневольного труда и претворить освобожденную физическую энергию в духовную»[21], т.е. осуществить всё то, на что неспособны люди Востока. Ибо, к сожалению, только для Европы «характерна резко выраженная ею активность ее жизни, ее культуры»[22]. Горький не скупится на комплименты: «Лозунги Европы — равенство и свобода, на основаниях изучения, знания, деяния»[23]; «Люди Запада давно уже доросли до планетарного смысла труда»[24].

Горький подчеркивает, что он ни в коем случае не говорит о превосходстве наций и рас — монголов, арийцев, семитов. Он противопоставляет только лишь «два различных мироощущения, два навыка мысли, две души»[25]. По сути своей они одинаковы, считает Горький, но по ряду причин «большинство человечества еще не изжило древнего страха пред тайнами природы, не возвысилось до уверенности в силе своей воли, не чувствует себя владыкой своей планеты»[26].

Магометанина, подчиняющегося покорно Року и говорящего: «Кисмет»[27], Горький противопоставляет европейцу Ромену Роллану, который гордо заявляет: «Француз не знает Рока». Уверенного в силе своего разума англичанина Содди[28] — китайцу Лао-Си, утверждавшему, что бездеятельность полезнее всего, ибо «когда все сделаются бездеятельными, на земле наступит полное спокойствие»[29]. Даже сами восточные мыслители, считает Горький, «признают преимущества западноевропейской культуры и понимают мрачные стороны культуры Востока»[30].

В точном соответствии с оппозицией «Восток — Запад» Горький поляризует целый комплекс понятий, как то: пассивность — активность, бессознательность — сознательность, стагнация — развитие. В этом же контексте Горький рассматривает и различные формы социально-политической организации общества. Восток объявляется родиной такого политического режима, как тирания[31] (вернее — деспотия) и косвенно связывается с такой формой политического устройства, как монархия. Запад же (впервые — греческий полис) объявляется родиной демократии и косвенно связывается с республикой. Всевозможные гражданские права, равноправие членов общества, выборность и сменяемость власти становятся, таким образом, достижениями Запада. Продукты же Востока — анархическое «бегунство», странничество, отрицающее все формы социальной и политической организации, а также скопчество, «стремящееся прекратить размножение человеческого рода»[32]. Все эти негативные черты Россия так или иначе унаследовала именно в силу своих восточных корней. Московское государство, считает Горький, как раз и создавалось «по образу и подобию» восточных деспотий.

Горький использует также и культурологические примеры в защиту своей позиции. Сначала обращается к «анархизму отчаяния»[33] «Записок из подполья» как к квинтэссенции творчества Достоевского и чуть ли не всей русской литературы[34]. Затем критикует немецкий романтизм и его классических представителей — Новалиса, Тика[35].

Едва ли не все беды многострадальной России проистекают, на взгляд Горького, из азиатчины, заполонившей наше сознание: «Ум дряхлого Востока» наиболее тяжко и убийственно действует в нашей, русской жизни»[36]. «Мы, как и жители Азии, люди красивого слова и неразумных деяний; мы отчаянно много говорим, но мало и плохо делаем. <...> На Западе люди творят историю, а мы все еще сочиняем скверные анекдоты»[37]. Горький снова обращается к проблемам «обломовщины», не раз находившимся в центре внимания русской мысли, в частности русской классической литературы, и утверждает, что нам нужно очень многому учиться у дея-

[20] Там же. 1915. С. 123.
[21] Там же.
[22] Там же. С. 124.
[23] Там же. С. 125.
[24] Там же. С. 126.
[25] Там же.
[26] Там же.
[27] Кисмет (арабск.) — в исламе: судьба, ниспосланная Аллахом человеку.
[28] Содди Фредерик (1877—1956) — английский радиохимик, член Лондонского королевского общества (1910), лауреат Нобелевской премии по химии (1921).
[29] Летопись. 1915. С. 125.
[30] Там же. С. 126.
[31] «...жестокость к рабам и раболепие перед владыками...<...> это от Востока» (Летопись. 1915. № 1. С. 133).
[32] Там же. С. 124.
[33] Там же. С. 129.
[34] Современная русская литература, по мнению Горького, пронизана все теми же настроениями и даже создала следующую поэтическую формулу: «Ради мгновения свободы стоит выкинуть за форточку всю вселенную с ее жалкой пользой» (там же. С. 130).
[35] Здесь же, правда, Горький дает высокую оценку так называемому «социальному романтизму» (там же. С. 131) Шиллера, Байрона, Гюго.
[36] Там же.
[37] Там же. С. 132.

тельных и процветающих западных «Штольцев»: «Нам нужно бороться с азиатскими наслоениями в нашей психике, нам нужно лечиться от пессимизма»[38].

У русского человека, заключает Горький, как бы две души: «...одна от монгола-кочевника, мечтателя, мистика, лентяя, убежденного в том, что <...> “против Судьбы не пойдешь”, <...> а рядом с ней живет душа славянина, она может вспыхнуть красиво и ярко, но недолго горит»[39].

Как мы видим, и в западничестве Горького были свои «отступления» от «канонов» XIX в. С самым ярким представителем раннего западничества П.Я. Чаадаевым Горького роднит убеждение в том, что именно интеграция в Западную Европу и приобщение к ее ценностям должны стать магистральной линией развития России в будущем, но есть и важное, бросающееся в глаза отличие. Согласно Горькому, Россия — часть Востока, а русские — азиаты по своему мировоззрению, тогда как Чаадаев наоборот подчеркивал акцентированную ориентацию нашей страны на Европу: «Мы живем на востоке Европы — это верно, и тем не менее мы никогда не принадлежали к Востоку. У Востока — своя история, не имеющая ничего общего с нашей» [Чаадаев, 1991, с. 150]. Чаадаев обозначает несколько доводов, почему Россию никак нельзя причислить к Востоку: это, во-первых, тот факт, что духовное начало, неизменно подчиненное светскому, никогда не утверждалось у нас на вершине общества; во-вторых, исторический закон и традиции никогда не завоевывали в России исключительного господства; в-третьих, нравственной иерархии у нас никогда не было [там же]. Мы видим, таким образом, что Чаадаев вкладывает в понятие Востока несколько иной смысл, что позволяет ему заключить: «Некоторые из наших областей, правда, граничат с государствами Востока, но наши центры не там, не там наша жизнь, и она никогда там не будет, пока какое-нибудь планетное возмущение не сдвинет с места земную ось или новый геологический переворот опять не бросит южные организмы в полярные льды» [там же, с. 150—151].

«Две души» имели большой резонанс; статья вызвала отклик многих ведущих публицистов: Е.Н. Чирикова в «Современном мире» («Неразбериха»), Л.Н. Андреева в «Современном мире» («О “Двух душах” М. Горького») и «Русской воле» («Горе побежденному!»), Н.А. Бердяева в «Утре России» («Азиатская и европейская душа»), А.С. Изгоева в «Русской мысли» («Летописные скандалы»), А. Волынского в «Биржевых ведомостях», С.С. Кондурушкина в «Речи»

[38] Летопись 1915. № 1. С. 132.

[39] Там же.



(«Чужой ум»), С.Д. Лобанова в «Ежемесячном журнале», Иванова-Разумника в «Русских ведомостях» («Земля и железо») и т.д.

Так, Андреев и Чириков в «Современном мире» приписали Горькому «беспросветный пессимизм» и обвинили его чуть ли не в пособничестве милитаристской Германии. Обе статьи были подробно пересказаны во многих газетах и журналах, радостно сообщавших о разрыве Горького и социал-демократов. И Чириков, и Андреев были убежденными «оборонцами», идеи «пораженчества», прозвучавшие в статье Горького, вызвали их резкий отпор.

Мало кто не только увидел в «Двух душах» критику негативных черт русского народа, но и прочувствовал сильный эмоциональный заряд, направленный против мировой войны. Кроме того, статья Горького, несомненно, содержала еще и обращенный к русским призыв: «Станьте лучше!». На эту сторону «Двух душ» обратил внимание критик, востоковед-иранист В.Г. Тардов, выступавший в печати под псевдонимом Т. Ардов: «Я не могу спокойно слышать, когда говорят, что статья Горького не содержит в себе ничего, кроме обычной “интеллигентской” психологии. Нет, на мой взгляд, она содержит гораздо больше. Она содержит героическую смелость, решающуюся дерзким криком нарушить этот Вальтасаров пир, что совершается в России, и в то время, как огненная рука уже чертит на стене: “мани, текел, фарес”. И она содержит в себе острую боль за Россию»[40].

В мартовском номере «Летописи» вышла статья Горького «Письма к читателю»[41]. Горький не стал нужным отвечать «собратьям по перу»[42], а сконцентрировался на реакции простых читателей: от них в редакцию пришло много писем. Горький «желал бы сообщить результаты “ума холодных наблюдений и сердца горестных замет” грамотному и вдумчивому русскому обывателю через головы гг. литераторов»[43]. Он ссылается на вышедшую в 1913 году в Праге работу профессора Масарика[44] «Россия и Европа», а также на книгу В.Ю. Яблоновского[45] «Две культуры», где проводится

[40] «Хочу в Россию, где всё чудесно переменилось...». Письма Н.Н. Суханова — Горькому // Горький в зеркале эпохи. Неизданная переписка. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 398.

[41] Летопись. 1916. № 3. С. 171—178.

[42] Там же. С. 171.

[43] Там же.

[44] Масарик Томаш (1850—1937) — чешский ученый и политик, профессор чешского университета в Праге. В 1900—1920 гг. руководил Либеральной чешской народной, затем Прогрессистской (реалистической) партией. С наступлением мировой войны Масарик встал на сторону Антанты. В 1918—1935 гг. — президент Чехословакии.

[45] Яблоновский Владислав Юлианович (1865—1956) — депутат Государственной думы Российской империи.

различие между Востоком и Западом, где, в частности, утверждается, что первый культивирует в человеческой психике пессимизм, а второй — оптимизм.

Горький апеллирует уже даже к чисто экономической привязанности России к Западу и констатирует с досадой, что мы «по-прежнему пытаемся отстоять свою самобытность, основная черта которой — наше бесправие, безволие. <...> Нам необходимо заботиться не о мистической “последней свободе”, а о завоевании простейших гражданских прав»[46].

Горький решительно осуждает «маниловский»[47] патриотизм. Как всегда бывает накануне катастрофы, громче колокольно-медного звона раздавалось «хвастовство русской мощью», «бескорыстием русской души» и прочими качествами, «присущими исключительно нам»[48]. Но война вскрыла все язвы, военные тяготы показали отсутствие гражданских чувств и добродетелей. С началом войны в русском обществе начался настоящий пир во время чумы: «кабаки и театры битком набиты, развилась маниакальная страсть покупать предметы роскоши, ювелиры торгуют великолепно»[49]. Горький наблюдает повсеместно нравственную, культурную деградацию: «первым признаком этого я считаю отсутствие талантливых людей почти во всех областях деятельности»[50].

Кроме того, Горький напоминает, что Россия — это не Петербург и не Москва, что нужно признать, что русская провинция живет, как и прежде, сонной, мечтательной жизнью, надеется «на помощь откуда-то извне, со стороны»[51]. Однако «несколько лет назад народ сделал стихийную, но мощную попытку развязать себе руки, разжать уста. Попытка эта кончилась неудачей, но ее все-таки необходимо оценить высоко, ибо она была первым за всю нашу историю напряжением воли всего народа»[52]. Первая русская революция 1905—1907 гг. по понятным причинам описывается Горьким несколько завуалированно, тем более что в конце статьи он намекает на *еще одну попытку*: «Нам необходимо сделать некое усилие воли, дабы встать на ноги и дружно взяться за дело самозащиты от врагов ближайших к нам»[53].

В «Двух душах» Горький запечатлел свое видение той проблемы, что волновала философов рубежа XIX—XX вв.: какова роль и каково место России, занимающей срединное положение между Востоком и Западом, в мире, какая из сил определяет своеобразие русской жизни и особенности русского национального характера. В статье Горький проявил себя сторонником «неозападничества» как некой оппозиции течению, распространившемуся с началом Первой мировой войны среди русских идеалистических философов и впоследствии получившему название неославянофильства.

[46] Летопись. 1916. № 3. С. 173.
[47] Там же.
[48] Там же.
[49] Там же. С. 174—175.
[50] Там же.
[51] Там же.
[52] Там же. С. 175—176.
[53] Там же. С. 177.

**Список литературы**

*Залесский К.А.* Первая мировая война. М.: ФИВ, 2013.

*Соловьёв В.С.* Три речи в память Достоевского // Соловьёв В.С. Сочинения: В 2 т. 2-е изд. М.: Мысль, 1990. Т. 2.

*Хелльман Б.* Когда время славянофильствовало. Русские философы и Первая мировая война // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. Проблемы истории русской литературы начала XX века. Helsinki, 1989.

*Чаадаев П.Я.* Апология сумасшедшего // Чаадаев П.Я. Избранные сочинения и письма. М.: Правда, 1991.

*Hellman B.* Poets of hope and despair. The Russian symbolists in war and revolution (1914—1918). Helsinki, 1995.

Поступила в редакцию
03.02.2014